

ПРОФСОЮЗНЫЙ ЖУРНАЛ

№6 (076)
2025

16+

ОГНЕУПОРНАЯ ПАСТОРАЛЬ

Как профсоюз и работодатель
совместно делают город лучше

Как художник подвижнику

«Профсоюзный журнал» поговорил с обоими в одном лице

Профессиональный путь и опыт Якова ВАРТАНЯНА, председателя Московского обкома профсоюза работников жизнеобеспечения, можно приводить в пример, рассуждая о непредсказуемости судьбы. Или о роли человека в собственной истории. Или о том, на каких ролях находятся в ней окружающие вас люди. Или о том, можно ли оставаться художником, причем не только в душе, занимая должность с таким прозаическим, казалось бы, названием — председатель. «Профсоюзный журнал» решил поговорить с ним обо всем и сразу, но по порядку.

ПРЕКРАСНОЕ НЕДАВНО

— Яков Погосович, человека, как мне кажется, во многом формирует время, в которое он рождается и растет. Именно поэтому мы потом мысленно часто туда возвращаемся, а над нами посмеивается мудрая, пока сама не повзрослела, молодежь. Так как бы вы описали то время, в которое вы родились?

— Я думаю, что время было абсолютно прекрасное. Все-таки я родился всего спустя шесть лет после Великой Отечественной войны, но радость Победы, восстановление народного хозяйства, колоссальное строительство, достижения науки и техники, перспективы, ощущение счастливого завтра придавали нашему народу дополнительные силы. После военного лихолетья страна восстанавливалась на глазах. Радость мирного труда от взрослых передавалась и нам, детям, не заставшим той войны, но видевшим, какими ударными темпами развивается наша страна.

Тут еще, думаю, уместно будет добавить, что родился я в Рязани. А это не просто старинный город (оставим в стороне тот факт, что нынешняя Рязань стоит не на том месте, где была древнерусская). Это город, с которым связан героизм русского народа и его — то есть наша — история, наука и культура. Достаточно вспомнить имена Евпатия Коловрата, Олега и Юрия Рязанских, Есенина, Циолковского, академика Павлова. В общем, я хочу сказать, что вдохновлялся и до сих пор вдохновляюсь этим местом. Хотя мы довольно быстро после моего рождения переехали в Люберцы, где

прошла вся моя дальнейшая жизнь и которые я тоже, конечно, очень люблю, как и все Подмосковье.

— Так, наверное, можно вообще про всю страну сразу сказать.

— Да, конечно. И, кстати, когда я рос, Россию, то есть Советский Союз, любили не только мы — весь мир, за редким исключением, любил победителей, которые освободили всю Европу от фашизма. И потом еще все, конечно, восхищались и полетом Гагарина, и первым в мире атомным ледоколом, и многим другим. Так что мы росли на патриотизме, источник которого, если так допустимо выразиться, можно было потрогать. Мы гордились своей страной и верили в то, что завтра все человечество пойдет по нашему пути, по пути построения социализма, по пути, где каждому человеку будет жить хорошо и интересно.

И что еще важно: я не знаю, как у всех остальных, но вот как-то в моей семье, у моих ребят, у моих друзей деньги никогда не были самым главным. Самым главным оставались отношения, личные качества. У всех моих друзей была тяга к знаниям, к учебе, все стремились нести пользу окружающим и стране в целом. И, повторюсь, деньги во главе угла при этом, конечно, не стояли.

— А может быть, потому, что их просто не было?

— Ну, много их ни у кого из нас и в самом деле никогда не было, да и тратить деньги было особо не на что. Дефицит, опять же, был периодически на те или иные товары, это правда. Тем не менее как-то нас в школе, да и везде учили, что главное — это

человек, строитель коммунизма, и построение нового общества, где со временем денег вообще не будет, в них не будет необходимости. От каждого по способностям, каждому по потребностям.

— Хорошее утешение для тех, у кого денег нет — уже...

— Ну да, теперь это смотрится, конечно, несколько наивно. Сегодня все нацелено на приобретение недвижимости, каких-то вещей, и человечество стало обществом потребления. Мы забываем, что в свое время Лев Николаевич Толстой писал: а много ли человеку нужно земли? Имея в виду то, где мы все по итогу жизни окажемся.

А в моем детстве и юности многое было бесплатно для интересной жизни. Например, спортивные секции. Я вот, скажем, занимался футболом и конным спортом. Последнее сегодня — занятие, мягко говоря, не из дешевых, а тогда — пожалуйста!

РЫЦАРЬ СЕДЛА И КИСТИ

— Насколько я знаю, любовь к лошадям вы пронесли через всю жизнь, правда?

— О да, с самого раннего детства, когда я их еще только рисовал и лепил из пластилина. Мы мальчишками обожали такие приключенческие фильмы, как «Смелые люди» или «Застава в горах», — там лошади, можно сказать, были одними из героев. Американские вестерны вроде «Великолепной семерки» появились уже намного позже, в 60-х, как и фильмы про индейцев с Гойко Митичем. В общем, я пересмотрел все по много раз.

Младший сержант Вартанян защищал советское мирное небо, но (справа) свое сердце сдал почти без боя (на фото — во время церемонии бракосочетания со своей женой Натальей). На фото слева: маленький Яков Вартанян со своим первым скакуном.

— А как вышло, что вы познакомились с лошадьми поближе?

— Раньше были такие люди — старьевщики, они ездили на телегах всюду, собирали всякое старье на продажу. И вот, когда мне было года четыре, рядом с домом один такой человек распряг свою лошадушку и сам прилег отдохнуть. А наш сосед, который тогда только вернулся из армии, подошел к старьевщику и попросил за меня: можно пацан на лошади посидит? Ну, меня посадили, значит, и я счастливо просидел на ней минут пятнадцать, пока она паслась. Получил огромное удовольствие и любовь к лошадям на всю оставшуюся жизнь.

А когда мне было семь лет, мы поехали в деревню (в пионерском лагере я, кстати, никогда не был), в Саратовскую область, к родственнику. Там у егеря была лошадь, и мне разрешалось эту лошадь каждый день вечером отводить в ночное. Дядя Коля просто выводил лошадь, ставил ее к телеге и уходил. А я пытался на нее

забраться: залезал на телегу, пытался с телеги перелезть на лошадь, но она отходила, и ставил я ее обратно снова и снова. В эту деревню я ездил каждое лето до 14 лет и в конце концов научился хорошо ездить верхом, с местными ребятами ходили в ночное. Я вообще получал в деревне массу удовольствия: была, естественно, рыбалка, ходили по ягоды, по грибы и так далее. Было очень здорово, это ни с чем не сравнить. А уже дома я стал ездить в «Урожай». Это конноспортивная школа в Сокольниках, она и сейчас есть, только теперь это клуб. И вот мы пристрастились туда ездить, а там — на спортивных лошадях, передаваемое удовольствие.

— Как говорил один известный человек, завидовать будем. И кем же мальчик с такими интересами и в такой стране — Гагарин, ледокол, все дела — хотел стать?

— Дело в том, что мальчик в этом отношении был совершенно неправильный и никогда не хотел быть

космонавтом. Мальчик хотел быть художником. В шестом классе преподаватель ИЗО вдруг заметил, что я неплохо рисую, и пригласил меня в школьный художественный кружок. Я год прозанимался там, и этот же учитель мне сказал, что мне надо немедленно отправиться учиться в художественную школу. Я сдал экзамены в московской городской художественной школе № 1 и проучился там четыре года вплоть до выпуска, до 10 класса. Кроме занятий, которые были непосредственно в школе, мы очень много посещали московские музеи. А на летних каникулах у нас была практика, нас возили на этюды по Подмосковью, в Кремль, парк Горького, на ВДНХ и т.д.

Учился я, в общем-то, неплохо, и мои работы выставляли среди прочих на художественных выставках. Но после школы поступить в художественный институт я не смог, конкурс был просто колоссальный, туда стремились попасть абитуриенты со всех

союзных республик. Ну что ж, не поступил и не поступил, да? Решил поработать чертежником и устроился в мастерскую «Моспроекта-2». А потом были два года армии, призвался в 1970-м.

— Как говорится, в каком полку служили?

— Служил под Москвой, в части противовоздушной обороны. Когда я попал в армию, наши офицеры говорили: что это за служба — всего два года! Раньше же было три: год учишься, год служишь и год готовишься к дембелю. А сейчас, говорили, вы приходите, научиться ничему не успеете и уже начинаете готовиться к дембелю. Наверное, они были правы.

— Нетрудно представить, что офицеры говорят сейчас, когда служба длится всего год. И как вам служилось?

— Я коммуникабельный парень был, поэтому мне было легко. У меня к тому же были замечательные това-

рищи. В армии взрослеешь. Мальчик становится мужчиной. Вспоминаю то время, друзей, отцов-командиров с легкой грустью. Как давно это было!

— А какая у вас военно-учетная специальность? Что написано в военнике?

— То, что было в моем военном билете, на самом деле не соответствовало действительности. Написано было «командир отделения колесных машин». А я служил в отделе оперативной и боевой подготовки. Эта работа связана со схемами, картами и так далее. Близко к «секретке», но я был всего-навсего рядовым, а окончил службу младшим сержантом. Просто в части, наверное, посмотрели на мое образование и опыт работы и отправили служить по «чертежной» специальности.

По ней же, в принципе, я и устроился работать после армии. Пошел художником-оформителем в отдел рабочего снабжения Московско-Рязанской железной дороги.

— А что там такого надо оформлять?

— Да много объектов, и везде нужны вывески, указатели. В магазинах при станциях, бывало, требовалось особое оформление. Грубо говоря, нарисовать то, что продается в том или ином отделе: молоко там, хлеб, фрукты... Была даже, помню, грузинская посуда.

— Не о таком, наверное, мечтают художники?

— Все было замечательно. Своя мастерская, сам себе хозяин. Было свободное время, когда можно было нарисовать портреты людей, которые работали вместе с тобой. Опять же, находясь на территории, пейзаж можно было набросать. И зарплата была по тем временам тоже вполне приличная — 150 рублей. Плюс накладные расходы: приходилось ездить далеко, от мастерской до станций — это же командировки, по сути. Ехал зачастую еще и на машине. Сидишь, придержи- ваешь вывеску километров десять —

а тогда их еще и на стекле часто писали — попробуй не удержи...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИЗ КРАСНОГО УГОЛКА

— Я пока одного не пойму: а как вас вообще с такой биографией и интересами занесло в коммунальное хозяйство?

— Тут так удачно получилось, что меня пригласили художником-оформителем на Ухтомский завод металлоизделий. Это у нас, в Люберцах. Очень интересный завод, на котором выпускалось, наверное, практически все — из металла, пластмассы, текстиля... Еще по кооперации работали с Томилиным заводом полупроводниковых приборов. В общем, чего там у нас только не было, приличное такое предприятие широкого профиля. И там было около полутора тысяч работников — членов профсоюза. То-

гда он назывался «Профсоюз рабочих местной промышленности и коммунально-бытовых предприятий» — как видите, профиль столь же широк, как и у самого завода. Естественно, в этот профсоюз я и вступил, когда пришел на завод в 1976 году. А месяцев через семь-восемь меня избрали секретарем комсомольской организации. Еще через год стал кандидатом в члены партии, и в том же году меня избрали депутатом городского совета Люберец. В общем, это была та самая «заводская проходная, что в люди вывела меня».

— Вы как художник не противились общественной нагрузке? Художники же люди, принято считать, свободолюбивые и не склонные к коллективизму. Зачем вам все это было нужно?

— Тут, наверное, много аспектов. Я ведь никогда не думал, что буду заниматься общественной работой. Но

когда меня избрали секретарем комсомольской организации, оказалось, что ничего страшного. Просто эта работа еще больше сближает тебя с людьми, ты живешь интересами коллектива, есть где развернуться творческой фантазии.

— А когда вас впервые избрали на профсоюзную должность, это тоже, в некотором роде, партия сказала «надо»?

— Ну, в какой-то степени — да. Тогда наш председатель — замечательная женщина, кстати, — как раз ушла на пенсию. И началось с того, что мне директор предложил: а не пора ли тебе вырастать из коротких штанишек? Я ему в ответ честно говорю, что вообще никогда не занимался профсоюзной работой и не знаю, как это делается. Ничего, говорит, научишься, было бы желание. Иди, говорит, с женой посоветуйся, а завтра приходи. И я, собственно, посоветовался и

Яков Вартанян практически всю жизнь пишет картины — в основном пейзажи и натюрморты.

пришел. Выборы, конечно, все равно были: директор предложил мне баллотироваться, а назначить не мог.

— И вот вы, председатель профкома крупного завода, пришли в первый день на свое новое рабочее место. Зашли в кабинет, сели, наконец, за стол — а что же дальше?

— Я пришел, сел и действительно так и начал думать: а что дальше? Так оно и было. Приблизительно я эту работу себе представлял, потому что как художник работал в красном уголке, а рядом как раз находился профсоюзный комитет.

— Можно сказать, вас как бы выставляли в красном уголке?

— Да, забавно, если так подумать. В общем, если продолжить, у меня была возможность немножко понаблюдать за работой профкома. К тому же пригодился и опыт комсомольской работы, и небольшой опыт работы в горсовете.

ВСЕ МОЖЕТ ПРОФСОЮЗ?

— Вот вы в начале нашей беседы вспоминали, как хорошо было жить в Стране Советов. Я без иронии, но все же. При таком уровне социального развития, как вы его описываете, какие вообще у советских рабочих могли быть проблемы, чтобы им понадобился профсоюз? Зачем он?

— Вспоминаются слова Ленина: «Профсоюзы — школа хозяйствования, школа коммунизма». Наш профсоюз появился в 1905 году в Москве. Он стал одним из тех объединений, которые сумели пережить тяготы царских репрессий и дожить до Октябрьской революции. Работники коммунальной сферы образовали сразу десять профсоюзов — по профессиям: дворников, прачек, швейцаров, парикмахеров, домашней прислуги и т.д. Профсоюз добился от времен-

ного правительства для работников коммунального хозяйства 8-часового рабочего дня, страхования материнства, ограничения ночных смен для подростков и женщин. Но официальный отчет о создании профсоюза мы ведем с мая 1919 года — с I Всесоюзного съезда муниципальных работников, который состоялся в Москве и положил начало объединению работников коммунального хозяйства в профессиональный союз в масштабах России.

Профсоюз прошел сложный путь становления, самоопределения и развития. Меняя название, структуру, формы и методы работы, профсоюз всегда оставался верен своей защитной функции, сохраняя лучшие традиции, основанные на внимании к человеку, к его повседневным нуждам и проблемам. Встроенный в систему, являвшийся «приводным ремнем», безусловно, он имел больше

возможностей, обладая рядом государственных функций управления охраной труда, социальным страхованием. Например, оплата больничного листа зависела и от стажа работы, и от профсоюзного членства.

— **Серьезно? Но это же какая-то дискриминация получается.**

— Почему? Тогда можно назвать дискриминацией в отношении «остальных» работников вообще любые преференции для членов профсоюзов. Вплоть до нынешних скидок на санкур или подарков детям к Новому году. Но мы же знаем, что это все нормально и в рамках обычной профсоюзной работы, правда?

— Да, и в самом деле. Наверное, я просто привык к тому, что соцстрах находится в ведении государства, и сейчас трудно себе представить такое распределение «больничных».

— Ладно, согласимся. А теперь другой момент. Допустим, ты член профсоюза и заболел, и три дня ты лежишь. Так вот, на четвертый день к

тебе обязательно приходит страховой делегат, который был в каждом цехе, и на условные 3 рубля приносит апельсин, яблок, конфеты... Короче, важен сам факт, что тебя проводят. Ну и, допустим, путевка в санаторий стоит плюс-минус 120 рублей, примерно зарплата инженера. Но если ты член профсоюза, то заплатишь за нее только четверть стоимости.

— **Однако скидки на санкур профсоюзы предлагают и сейчас, причем кое-где они доходят до 90%.**

— Вот именно, что «кое-где»: многие профорганизации сейчас не могут позволить себе вообще никаких скидок для своих членов.

— **Поневоле складывается впечатление, что без контроля над системой социального страхования профсоюзы как будто бы ничего и не могут. Это если судить по тому, насколько знающие люди печалются о его утрате. Что осталось в профсоюзном арсенале после этого?**

— Знающие люди понимают, насколько важен был этот контроль, и

печалются совершенно обоснованно. Но поговорим о том, что осталось и чего добились.

Профсоюз занимает достойное место в общественно-политической жизни страны: это система социального партнерства, участие в комиссиях по расследованию несчастных случаев на производстве, в том числе на предприятиях, где нет профорганизаций. Правовая защита. Коллективный договор — как основной инструмент и правовой локальный документ предприятия. Культурно-массовая и спортивная работа, оздоровление, детский отдых, детские новогодние подарки и многое другое. Но с соцстрахом было бы, конечно, веселее.

И еще, с моей точки зрения, самое негативное для профсоюза — это то, что в результате экономических реформ, бесконечного реформирования и оптимизации фактически ликвидирован институт освобожденных профсоюзных работников на предприятиях в наших отраслях.

Конкурс «Лучший по профессии» в сфере жизнеобеспечения Подмосковья за 25 лет стал традицией для социальных партнеров области. Слева: Мособком профсоюза — неотъемлемая часть российского профсоюзного движения. На фото — с главой ФНПР Михаилом Шмаковым на первомайской демонстрации.

ТАКАЯ ВОТ ВЕЧНАЯ

— А как это связано с теми реформами?

— Постоянно у одних и тех же предприятий менялись формы собственности: то они ГУП, то МУП, то ОАО или ООО. Бог знает, в каких целях, наговаривать не будем, но формально — для оптимизации работы, включая ее финансовый аспект. И мало того, что колдоговор — это определенные обязательства, так еще и освобожденный председатель профкома будет, так сказать, совать нос во все дела. Это с точки зрения работодателя. Умный человек на это бы согласился, потому что профсоюз — это помощь руководителю и предприятию, но создается впечатление, что у нас не так много умных. Зачем ему, работодателю, это нужно? Конечно, выгодней иметь рычаг давления на председателя в виде работы и зарплаты. А для нас, конечно, потеря освобожденных председателей, то есть людей, которые получа-

ют зарплату от профсоюза, — это очень большая потеря.

— Но если вернуться немного назад, на Ухтомском заводе вы же были освобожденным?

— Да, конечно. Я сразу начал профсоюзную деятельность как освобожденный председатель профкома. А спустя семь лет работы на заводе меня избрали уже председателем Люберецкого горкома профсоюза, который не привязан к конкретному работодателю по определению. Там я проработал еще три с половиной года, а потом стал заместителем председателя обкома — десять лет проработал в этой должности — и потом уже председателем. Хотя почему — «стал»: избирался везде на альтернативной основе. Профсоюз является членской организацией Международного объединения профсоюзов работников жилищно-коммунального хозяйства, местной промышленности и сферы услуг, в которое входят организации стран СНГ: Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия

и Таджикистан, — и с 2011 года меня избирают Генеральным секретарем этой организации.

— Как затянуло вас в профсоюзные будни! А не было такой мысли с самого начала, что, мол, поручу немножечко профкомом, а потом, ну, не знаю, опять буду поступать в Суриковское училище?

— Нет, там уже этих мыслей не было. Тут вот ведь в чем дело. Когда я учился в 10 классе, были в моде всякие вокально-инструментальные ансамбли, и у нас что-то такое тоже в школе создавалось. И я там что-то пытался играть на гитаре. А еще была у нас в школе девочка с хорошим слухом и замечательным голосом. Она училась еще только в 5 классе, и тем не менее у нас пела.

— «Еще была солистка Леночка, та, что училась на год младше» — прямо как в песне поется! В каморке, что за актовым залом.

— Да-да-да, примерно так. Только тут была солистка Наташенька, и на пять лет младше. И вот я, значит,

окончил школу, ушел в армию, вернулся. И как-то на свадьбе у моего друга ко мне подходит девушка и говорит: «А вы меня не помните?» Я говорю: не помню. А это, конечно, она была — к тому времени она уже оканчивала 10 класс. И где-то спустя полгода мы с ней начали встречаться, а еще через год я на ней женился. Примерно через два года у нас появился первый ребенок, потом второй. Недавно, кстати, отметили 50-летие нашей семьи. В общем, как-то уже совершенно не до учебы в Суриковском было.

С МЕСТА В КАРЬЕРУ

— Да, согласен. А вы что же — получается, так в итоге и остались только со школьным образованием?

— Нет, не получается. Работа с людьми потребовала знаний. Когда я уже был депутатом горсовета, мне говорят: а чего ты раздумываешь — иди поступай в институт! Тем более что депутатам при поступлении полагались льготы. И я поступил во Всесоюзный юридический заочный

институт, сейчас это Юридическая академия имени Кутафина. Кстати, по тем самым льготам можно было сдать вступительные на все четверки, но я сдал лучше. Впрочем, неважно. В общем, изучал государственное право, стал дипломированным юристом.

— А кем вы могли бы работать потом с таким дипломом? Ну, если бы не продолжили идти по профсоюзной линии, кем бы вы сейчас видели Якова Вартаняна?

— Я мог бы работать в органах государственной власти, скажем так, и не только юристом. В исполкомах, в администрациях, от администрации президента и до всего остального.

— А почему вы не захотели строить государственную карьеру?

— Понимаете, у меня есть большое несчастье: я не карьерист. Меня изначально совершенно устраивала моя работа на заводе, где, как мне казалось, меня любили. У меня были отношения очень хорошие с руководством, а еще лучше у меня были отношения с коллегами. Мне на заводе было очень комфортно.

— Тем не менее в депутаты вы же пошли?

— Тогда это было, как говорится, другое. Это же не освобожденный депутат в то время. Тогда даже Верховный Совет собирался всего два раза в год, а в остальное время депутаты работали кто кем и кто где. Я работал на заводе, а то была, так сказать, та же самая общественная нагрузка. Ну, не совсем нагрузка: меня же отпускали с завода. Другое дело, что нужно было потом как бы нагонять то, что на работе пропустил, как в школе после болезни.

Тогда работы было гораздо больше, исходя, опять же, из того, что у профсоюзов был соцстрах. То есть весь день ты лазил по заводу, встречался с людьми, а вечерами нужно было писать бумаги, и бумаг было очень много: соцсоревнование, различные протоколы, товарищеские суды, жилищные комиссии, комиссии по борьбе с пьянством. И вот весь день на работе ты вот так вот крутился, а вся писанина приходилась на вечер.

Молодежи в отрасли жизнеобеспечения пока немного, но все еще впереди.

— Хорошо. Значит, депутатство к карьеризму отношения не имеет. Но разве вы не построили профсоюзную карьеру?

— Я не рвался с завода в тот же горком профсоюза, мне просто предложили, и я согласился. Есть такие предложения и от таких, без иронии, уважаемых людей, что не согласиться очень трудно. К тому же, не скрою, мне это было тоже очень интересно, потому что объем работы предлагался другой совершенно. Или, правильной сказать, масштаб. Я не могу сказать, что сейчас неинтересно. Просто тогда было больше возможностей.

И, конечно же, тогда ты был более уважаемый человек, чем сегодня. Это даже не обсуждается. По крайней мере, я сегодня как представитель обкома профсоюза не всегда могу попасть к главе администрации. Нужно какое-то время, чтобы мне назначили, и так далее... А тогда председатель что горкома, что обкома мог запросто зайти к главе в любой день. Простите за выражение, можно было пихнуть двери

ногой. Потому что это был человек, который нужен для решения множества вопросов.

НУЖЕН ПЛАН

— Вопросы, насколько я понимаю, не убавилось. Минус соцстрах, зато «плюс» изношенность жилищного фонда и инфраструктуры, дефицит и старение кадров, не говоря уж о низких зарплатах в отрасли.

— Да, все упирается в деньги, а в этом плане мы целиком зависим от тарифа.

— Но если повысить тариф и благодаря этому повысить зарплату тому же электрику, то он же сам эту надбавку и будет тратить на оплату электричества у себя в доме по этому повышенному тарифу. Замкнутый круг какой-то.

— Прошло три десятка лет, как продолжается реформирование жилищного хозяйства. Предполагалось, что реформы принесут снижение тарифов на оплату коммунальных платежей, улучшение качества предоставляемых услуг, достойную зар-

плату работникам ЖКХ. Вспоминая Черномырдина: хотели как лучше — получилось как всегда. Прошла оптимизация, менялась форма собственности, а проблемы остались. Средняя зарплата работников ресурсоснабжающих организаций (водоканалы, теплосети) значительно уступает предприятиям газового и энергетического комплексов и средней зарплате по Московской области.

Надо провести мероприятия по выработке нормативов трудовых затрат, так как они не пересматривались больше 40 лет. Профинансировать мероприятия по антитеррору и экологической безопасности не в рамках тарифа, а по отдельным программам в течение ближайших двух-трех лет. Профинансировать целевые закупки спецтехники с целью доведения ее до состояния нормативных требований. И наконец — давно назрел вопрос о создании Министерства ЖКХ РФ.

Вот поэтому в плане зарплат нам и нужно уйти от зависимости от тарифа! Нам нужны, так сказать, целевые деньги, не в тарифе. То есть государство,

В профобъединении Подмосквья (МОООП) стоят и друг за друга, и за всех жителей области.

область — неважно кто — должны выделять деньги на эти цели отдельно. Чтобы не трогать ни население, ни предприятие. А то, получается, работодатель должен думать, что ему сделать: купить трактор или рабочим заплатить, премию там кому-то выдать и так далее.

А потом мы удивляемся — точнее, мы-то как раз не удивляемся, тут все понятно — почему в отрасли работает все больше пенсионеров. Да потому, что на пенсию не прожить. Средняя по стране сейчас 25 тысяч, но мы знаем, что такое «средняя». Тем более если учитывать, что в нашей отрасли самые низкие зарплаты. Значит, человек вынужден оставаться на работе, потому что на такую пенсию ему не прожить. А молодые смотрят на них и надолго в профессии предпочитают не задерживаться. Но, кстати, открою небольшой секрет: работать на пенсии к нам в отрасль часто приходят люди из совершенно других профессий. Из чего тоже можно сделать определенные выводы, но за других говорить не будем.

— А только ли зависимость от тарифа мешает росту зарплат и развитию предприятий? Имея в виду, что, как вы говорите, руководителям приходится выбирать.

— К сожалению, нет общего плана развития ЖКХ, есть какие-то общие фразы, не более того. Мы же шархаемся из стороны в сторону. То мы создаем акционерные общества, то унитарные предприятия, то еще что-то. А нужны единый план, как в свое время ГОЭЛРО в деле электрификации, и помощь государства.

ХОРОШИЕ ЛЮДИ

— А с каким собственником профсоюзу легче работать — с государством или с частником?

— С частниками, конечно, сложнее. Хотя, опять же, многое зависит от человека, возглавляющего организацию. Если он не только о себе думает, а и о людях, хочет видеть объективную картину того, что происходит на предприятии, то да, ему профсоюз нужен. И он будет делать все для того,

чтобы профорганизация работала, и будет ей помогать. Потому что, в принципе, профсоюз — это действительно помогающая директору структура. Среди прочего мы работаем над тем, чтобы коллектив был слаженный и мог выполнить любую поставленную задачу, в том числе в аварийной ситуации.

Больше того: профсоюз помогает цементировать коллектив, ставить не только производственные задачи, но и делать так, чтобы любому работнику было интересно работать. Неважно, что это будет — шахматный клуб, выезды коллективные или что-то еще. Нужно заинтересовать людей, чтобы им было комфортно работать, и не только выполняя производственные планы и получая деньги, но чтобы коллектив, предприятие стали семьей и домом, куда приятно приходить и работать с твоими близкими, родными и по-настоящему друзьями. И вот это как раз не зависит от формы собственности. Везде есть и понимающие, мудрые руководители,

и временщики, которым наплевать на коллектив. У последних один интерес: показать наверх приятные начальству цифры (неважно, каким способом) и туда же, наверх, поскорее уйти. Возвращаясь к теме о временах и нравах, в советское время директора работали подолгу.

— Подолгу или по долгу?

— И так, и так. Во-первых, они знали коллектив. Во-вторых, их знали работники. Потому что они сами, как правило, в нем и росли. Они приходили из мастеров, из главных инженеров. Но они все работали подолгу, знали, где находится каждый люк, условно говоря. Сегодня руководители — не все, но некоторые — понимают руководство предприятия как карьерную лестницу, стремясь подняться как можно выше и как можно быстрее.

— Однако описанная вами современная картина выглядит мрачновато...

— Нет, почему? Если говорить об экономических обстоятельствах, то, наверное, так. А если говорить о лю-

дях, то мне везло на хороших людей. И я в плане знакомств в своей жизни могу даже назвать себя счастливым человеком. Взять хоть **Александра Дмитриевича Василевского**, председателя нашего профсоюза. Я его знаю очень давно и считаю своим старшим товарищем, хотя он и моложе меня. Ему очень трудно, очень непростой период приходится на его руководство профсоюзом. Но Александру Дмитриевичу удавалось выдерживать удары против отрасли, быть ее очень активным защитником. И удалось выстроить, несмотря на довольно частую смену руководителей отраслевого министерства, добрососедские отношения с ним. По крайней мере, он сегодня вхож во все структуры и пытается по мере сил влиять на принимаемые решения.

Или вот председатель профобъединения Подмоскovie **Валентина Викторовна Кабанова**. Просто потрясающая, сильная женщина. Мы с ней оба пришли на свои посты в непростое время, когда сменился губерна-

тор, пришел генерал **Борис Громов**. Это было очень удачное для области назначение, но он, будучи советским военным, никогда не имел отношения к профсоюзам: в армии их никогда и не было. И вот Валентина Викторовна сумела как-то убедить генерал-губернатора Громова в том, что профсоюзы — это важная и неотъемлемая часть общества, и наладить продуктивное общение с областными властями. Отсюда — и социальное партнерство, и минимальная зарплата по области, которая постоянно выше, чем МРОТ в РФ, и многое другое.

— А как вы считаете, вы вызываете в окружающих вас людях подобные чувства и оценки?

— Об этом надо спрашивать самих окружающих. Хотелось бы в это верить, как и любому другому нормальному человеку. Как человеку, который хотя бы пытался что-то сделать, а может быть, если так подумают окружающие, что-то даже и сделал.

Беседовал Павел ОСИПОВ